

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НА ДОСТОЕВСКОГО
ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
(ДОСТОЕВСКИЙ И ЭТЬЕН КАБЕ)

Сергей А. Кибальник (Санкт-Петербург – Россия)

ABSTRACT: Sulla questione dell'influsso esercitato su Dostoevskij dal
perno e dalla letteratura utopico-sociale (Dostoevskij e Étienne Cabet)

Sergej Kibal'nik (San Pietroburgo – Russia)

Il tema indicato, per quanto possa sembrare strano, fino ad oggi non è quasi stato oggetto di indagine specifica. Nei lavori di V.R. Lejkina-Svirskaja, A.S. Dolinin, N.F. Bel'čikov, J. Frank, E. Dryžakova, I.L. Volgin, F.G. Nikitina e altri, sostanzialmente esso è stato analizzato solo nel suo aspetto politico. Del resto, la politica rappresenta solo la parte applicata della filosofia degli utopisti sociali francesi e dei socialisti cristiani. Finora non esistono quasi studi monografici su “Dostoevskij e Fourier”, “Dostoevskij e Saint-Simon” (sebbene le basi per la loro creazione siano state poste nei lavori di I.I. Zil'berfarb, A. Anekštajn, N. Rjazanovskij, F. Kaplan, G.S. Kučerenco e altri). E neppure si sono ancora imposte le questioni relative alla possibile conoscenza da parte di Dostoevskij delle opere di pensatori come L. Blanc, V. Considerant, E. Cabet, P. Leroux, F. Lamennais; delle edizioni periodiche fourieriste e socialiste del decennio 1830-1840 (*La Phalange, Paris révolutionnaire, Almanach républicain*) e dei fourieristi francesi (Chevalier, Hamon, Cantagrel, Briancourt, Enfantin, Villegardel, Lemoine). Non sono state definite a fondo le peculiarità del fourierismo russo (M.V. Petraševskij, N. Ja. Danilevskij, A.V. Chanykov, N.S. Kaškin, I. Debu, A.I. Evropeus, D.D. Achšarumov, K.I. Timkovskij, A.P. Balosoglo), del socialismo cristiano (A.N. Pleščeev, N.A. Mordvinov, V.A. Éngel'son) e dei loro critici (N.A. Spešnev, V.A. Miljutin). Solo in parte sono state chiarite le interrelazioni personali e le correlazioni ideologico-filosofiche tra essi e Dostoevskij. Non è stata poi sufficientemente indagata l'influenza che esercitarono su di lui i socialisti cristiani ed il ruolo che essi giocarono nella formazione del suo cristianesimo sociale dell'ultimo periodo. Così, non si è prestata la debita attenzione a come il rapporto critico dello scrittore con il pensiero utopico sociale si manifesti nella sua opera, molto tempo prima della stesura dei *Demoni*, con particolare evidenza nel *Villaggio di Stepančikovo*, in parte anche nei confronti dei socialisti russi (M.V. Petraševskij, V.G. Belinskij, M.E. Saltykov-Ščedrin). In conseguenza delle particolari condizioni in cui è avvenuto il ritorno di Dostoevskij alla letteratura nella seconda metà degli anni

'50, questa trasformazione artistica poteva esprimersi solo in forma nascosta, nella forma dell'autoparodia. Proprio grazie ad essa nell'opera di Dostoevskij di questo periodo avviene una sintesi artistica di filosofia sociale, metafisica ed estetica. L'intertesto filosofico penetra nelle prime opere di Dostoevskij in modo latente, attraverso una grande quantità di prismi letterari e realmente biografici, ma fin dal principio la poetica criptoparodica, in contrapposizione all'unilateralità militante della "generazione degli anni Quaranta", dota lo scrittore di una visione multifocale che gli consentirà di creare una nuova concezione del punto di vista.

Названная тема, как ни странно, почти не была предметом специальных исследований. В работах В.Р. Лейкиной-Свирской, А.С. Долиннина, Н.Ф. Бельчикова, Джозефа Франка, Елены Дрыжаковой, И.Л. Волгина, Ф.Г. Никитиной в основном рассматривался ее политический аспект, между тем как политика является лишь прикладной частью философии французских социальных утопистов. Нет даже специальных работ на тему «Достоевский и Ш. Фурье», «Достоевский и А. Сен-Симон». Что же говорить о возможном влиянии на Достоевского таких мыслителей, как Л. Блан, В. Консидеран, П. Леру, Э. Кабе? Не изучен вопрос о знакомстве Достоевского с работами французских фурьеристов (Ф. Кантагеля, М. Брианкура, Г. де Гамона, Б.-П. Анфантена, Ф. Вильгарделя, Н. Лемуана), с социалистическими журналами и газетами 1830-1840-х годов. Не до конца определены особенности русского фурьеризма (М.В. Петрашевский, Н.Я. Данилевский, А.В. Ханыков, Н.С. Кашкин, И. Дебу, А.И. Европеус, Д.Д. Ахшарумов, К.И. Тимковский, А.П. Балосого), христианского социализма (А.Н. Плещеев, Н.А. Мордвинов, В.А. Энгельсон) и их критиков (Н.А. Спешнев, В.А. Милютин). Лишь отчасти выяснены взаимоотношения, а также идеологические расхождения с ними Достоевского.

Не замечается проявление критического отношения писателя к французской социально-утопической мысли и к русским социалистам до создания *Записок из подполья*. Вследствие особых условий, в которых происходило возвращение Достоевского в литературу во второй половине 1850-х годов, это критическое отношение могло выразиться лишь в скрытой форме – в форме криптопародии. Социальная философия французских утопистов "отражается" в творчестве Достоевского подспудно, преломля-

ясь через множество литературных и реально-биографических призм, а криптопародийная поэтика снабжает писателя многофокусовым зрением, приходящим на смену воинствующей односторонности “сороковых годов”.

1. Одним из основных источников идей французских социальных утопистов и одновременно примером их художественного претворения были сочинения французского писателя и политического деятеля Этьена Кабе (1.01.1788 – 8.11.1856). Наибольшую известность принес ему утопический роман *Путешествие в Икарию* (*Voyage en Icarie* – 1840). Это самая известная беллетристическая популяризация социалистических идей 1820-1830-х годов. В 1840-е годы сочинения Кабе пользовались немалой известностью не только во Франции, но и за ее пределами. К. Маркс в *Святом семействе* (1845) назвал Кабе «самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма»¹.

Этьен Кабе был своего рода французским Петрашевским: заговорщиком и одновременно человеком дела (юристом, издателем и публицистом). Судьба Кабе отчасти напоминает также биографию Герцена и самого Достоевского. Высылка за границу на пять лет (которые он провел в Лондоне), бесплодные попытки организовать коммуну. Кабе все же основал ее в Америке на пожертвованные деньги, однако в конце концов был исключен из нее сам. Петрашевский также построил фаланстер, причем на собственные средства и для своих крестьян. Однако результат был сходным: крестьяне сожгли выстроенное для них общее помещенье².

Между прочим, Кабе отплыл в Америку в декабре 1848 г., а в 1849 г. в Париже он был заочно приговорен к двум годам тюрьмы и пятилетнему лишению гражданских прав по обвинению в растрате пожертвований, предъявленному ему другими участниками коммуны. Достоевский, как и Петрашевский, в декабре 1849 г. вначале оказался на Семеновском плацу, а затем

¹ К. Маркс, *Святое семейство*, в: *Id.*, *Соч.*, в 30 тт., Москва 1955, т. 2, с. 146.

² В.Р. Зотов, *Петербург в 40-х годах*, в: *Петрашевцы в воспоминаниях современников*, Сб. материалов, Москва-Ленинград 1926, т. 1, с. 115-117.

был отправлен по этапу в Сибирь. В 1851 году Кабе приехал в Париж и добился пересмотра дела, закончившегося “полным его оправданием”, как справедливо отмечено в комментарии к академическому изданию сочинений Достоевского 5; 371). Впрочем, в этом комментарии не упомянуты последовавшие за этим события: в январе 1852 г. Кабе был снова арестован и выслан в Англию.

Если бы апелляция Кабе, поданная им в 1851 году, не была удовлетворена³, то его гражданские права были бы возвращены ему почти одновременно с Достоевским. Однако затея Кабе с Икарыйской коммуной все равно закончилась почти одновременно с возвращением Достоевскому гражданских прав потомственного дворянина. В сентябре 1856 года он был исключен из нее, а в ноябре умер от апоплексического удара⁴.

Известия о последних годах жизни и о трагическом конце Кабе, которые Достоевский мог, хотя и с опозданием, извлечь из русской и иностранной печати, возможно, стали для него дополнительным внутренним импульсом к созданию повести *Село Степанчиково и его обитатели* и к появлению замысла *Бесов*. Ранее утопия Кабе, построенная на идеях “бабувистов” об «общности имущества»⁵, по-видимому, отчасти отозвалась в проблематике *Бедных людей*.

В России 1840-х годов книги Кабе вместе с сочинениями Ш. Фурье, П.-Ж. Прудона, по выражению П.В. Анненкова, «были во всех руках [...] подвергались всестороннему изучению и обсуждению». При этом *«Икария Кабе, малочитаемая в самой Франции, за исключением небольшого круга мечтательных бедняков-работников»*, в отличие «от гораздо более ее распространенной

³ [É. Cabet], *Colonie Icarienne aux États Unis d'Amérique, sa Constitution, des lois, sa situation matérielle et morale, après le premier semestre 1855*, Paris 1856, с. 14, 20-22, 23, 139.

⁴ Э. Кабе, *Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман*, пер. с франц., статья Н.А. Мещерякова, комментарии Г.О. Гордона, Москва-Ленинград 1935, т. 1, с. 568-569.

⁵ В.Е. Ветловская, *Идеи Великой французской революции в социальных воззрениях молодого Достоевского*, в: *Великая Французская революция и русская литература*, отв. ред. Г.В. Фридендер, Ленинград 1990, с. 282-317.

и популярной системы Фурье», в России служила «предметом изучения, горячих толков, вопросов и чайнний всякого рода»⁶.

В частности, не остался в стороне от этого увлечения Белинский, взявшийся после *Истории революции 1789 года* Л.-А. Тьера «за историю того же события, отличавшуюся вполне отсутствием всякой поправки лиц и дел, именно за сочинение Кабе *Le peuple*», автор которого «объяснял наконец даже падение республики трогательным, святым добродушием [...] масс, одерживающих победы над врагами не для себя [...] а для прославления своих принципов – братолюбия, равенства и справедливости»⁷. Чтение Кабе приходится на 1843-1844 годы⁸, т. е. на пик увлечения Белинского французской социально-утопической философией⁹.

Разумеется, только добавило популярности роману Кабе *Voyage en Icarie* запрещение его в 1848 г. в России¹⁰. Сочинения Кабе были хорошо известны участникам кружка М.В. Петрашевского, членом которого в начале 1847 г. стал и Достоевский. В <Объяснении Ф.М. Достоевского> Следственному комитету, стараясь откеститься от какого-либо увлечения Фурье, Достоевский показывал: «...фурьеризм забыт из презрения к нему, и даже кабетизм, нелепее которого ничего не производилось на свет, возбуждает гораздо более симпатии» (18; 133; здесь и далее курсивом выделено мной – С. К.).

Петрашевский в своем *Карманном словаре иностранных слов* из сочинений Кабе ссылается на «*Précis de l'histoire des françaises*, р.109-11, в I томе его сочинения: *Histoire populaire de la révolution française*»¹¹. В написанном уже во время следствия по его делу *Объяснении о системе Фурье и социализме*, утверждая, что «с первых

⁶ П.В. Анненков, *Литературные воспоминания*, Москва 1983, с. 197.

⁷ *Ibidem*, с. 198.

⁸ *Ibidem*, с. 199.

⁹ В.П. Комарович, *Идеи французских социальных утопий в мировоззрении Белинского*, в: *Венок Белинскому*, Москва 1924, с. 269-272.

¹⁰ Ю. Оксман, *Меры николаевской цензуры против фурьеризма и коммунизма*, «Голос минувшего», № 5-6, май-июнь 1917, с. 69.

¹¹ *Философские и общественно-политические произведения петрашевцев*, Москва 1953, с. 312.

веков христианства по сие время всегда среди отцов церкви находились последователи, или приверженцы, коммунизма», он отмечает: «...множество их названо в *Le vrai christianisme suivant Jesus-Christ* и *Voyage en Icarie Cabet*»¹². *Le vrai christianisme* из библиотеки Петрашевского брал Достоевский¹³. Вообще два этих сочинения, и особенно *Путешествия в Икарию*, могли иметь для Достоевского значение и своего рода энциклопедического справочника по утопическому социализму: вся вторая часть романа Кабе представляет собой «историческую картину Прогресса Демократии» и содержит «мнения наиболее известных философов о равенстве и общности имущества»¹⁴.

Д.А. Ашхарумов в своих *Показаниях* свидетельствовал: «Мне случилось прочитать осенью 1847 года *Voyage en Icarie* – доставил мне эту книгу Дебу 2-ой, вероятно, через Ханыкова. Эта книга дала мне понятие о коммунизме, но она не произвела во мне большого впечатления»¹⁵. В *Показаниях Н.А. Мамбелли*, по-видимому, как и показания Ашхарумова, не вполне искренних, читаем: «*Идеологии Fourier, Infantin'a, Cabet, Villegardelle'я, Louis-Blanc'a* и друг. меня не увлекали безусловно, в них химеричность и ложность бросаются в глаза; однако ж, не разделяя их фантазий, я им всем сочувствовал, за то только, что обещали людям лучшую жизнь»¹⁶.

Не слишком отличался в этом отношении и кружок С.Ф. Дурова, который также посещал Достоевский. «Все, что являлось нового по этому предмету во французской литературе – вспоминал о своем участии в нем А.П. Милюков – постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на наших сходках. *Толки* о Нью-Ланарке Роберта Оуэна и об *Икарии Кабэ*, а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера»¹⁷. «Соглашаясь,

¹² *Дело петрашевцев*, Москва-Ленинград 1937, т. I, с. 89.

¹³ В.И. Семевский, М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I, Москва 1922, с. 169.

¹⁴ É. Cabet, *Voyage en Icarie*, 5me ed., Paris 1848, с. VI.

¹⁵ *Дело петрашевцев*, Москва-Ленинград 1951, т. III, с. 143.

¹⁶ *Дело петрашевцев*, Москва-Ленинград 1937, т. I, с. 370-371.

¹⁷ А.П. Милюков, *Литературные встречи и знакомства*, Санкт-Петербург 1890, с. 179-180.

что в основе их учений была цель благородная, он однако же считал их только честными фантазерами — пишет далее о Достоевском Милюков —. В особенности настаивал он на том, что все теории для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы, более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы. Он говорил, что жизнь в икарыйской коммуне или фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой каторги¹⁸. Это неоднократно цитировавшееся свидетельство дошло до нас лишь в составе очерка Милюкова Федор Михайлович Достоевский, впервые опубликованного в «Русской старине» за 1881 год и вошедшего в его Литературные воспоминания, а также Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского Ф.Ф. Миллера¹⁹, в которых оно вовсе не приписано И.М. Дебу, как об этом сказано в комментарии к академическому изданию (12; 211-212), а взято, по всей вероятности, из того же очерка Милюкова²⁰. По всей видимости, оно несколько стилизовано под позднейшие высказывания Достоевского. Тем более, что взгляды писателя в изложении Милюкова звучат скорее отзвуком Дневника писателя, чем действительных настроений Достоевского конца 1840-х годов, а упоминание “каторги” также наводит на это предположение.

Едва ли не единственным из окружения Достоевского, кто уже тогда довольно критично воспринимал французских социальных утопистов, в том числе и Кабе, был Н.А. Спешнев. В своих Письмах к К.Э. Хоуцкому (<1847?>) он высказывал убеждение в том, что «если бы сегодня первые христиане, жившие коммунарами, и иезуиты из Парагвая вдруг встали бы из своих могил и были бы приглашены теперешними атеистами-коммунистами Дезами для общежития, то от такого общежития произошли бы

¹⁸ *Ibidem*, с. 181.

¹⁹ Ф.Ф. Миллер, Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского, в: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург 1883, с. 92.

²⁰ См. *Ibidem*, с. 4, 91-93.

только трения, ссоры и война». Это Спешнев мотивировал, в частности, тем, что «значительно менее разнородные элементы – двое коммунистических вождей во Франции – деист и моралист Кабе и атеист и материалист Дезами [...] враждовали друг с другом не на жизнь, а на смерть до тех пор, пока моральный деист не засадил своего “аморального противника” в тюрьму»²¹.

С началом Французской революции 1848 г. к интересу к Кабе как к писателю и публицисту прибавилось внимание к нему как к одному из ее непосредственных участников. О Кабе в это время нередко упоминалось во французских газетах. Н.Г. Чернышевский записал в дневнике от 23 сентября 1848 г.: «Из Journal de St.-Petersbourg узнал, что Распайль *выбран* 66 тысячами, Кабе и другой кто-то *6 тысячами*, и из этого видно, что социаллисты организованы и подают голоса на одних кандидатов...»²²

Эта сторона деятельности Кабе отображена во многих сочинениях А.И. Герцена. Так, в *Письмах из Франции и Италии* читаем: «...мученики времен Людовика-Филиппа, Барбес и Бланки, были главами двух мощных клубов; Собрие, Распайль, Кабэ имели свои клубы, цель у них была общая, но единства, но плана не было». Герцен сочувственно упоминает здесь и о реакции Кабе на введение Временным правительством «новой массы в старые кадры легионов Национальной гвардии»: «Кабэ *десять раз в своем клубе говорил о необходимости распустить Национальную гвардию и потом вновь ее составить*, он сильно восставал против мундира – и был прав»²³.

В подтверждение своих опасений за судьбу революции Герцен приводит цитату из письма к Кабе видного христианского социалиста: «...народ расходился мрачно, недоверие и зло распространились, две республики померились; “Oh que l’avenir est menaçant – писал Пьер Леру к Кабэ –, puisqu’il y a dès aujourd’hui deux républiques en présence!”» («О, как грозно будущее... раз теперь налицо две республики!» – франц. – *Ред.*)²⁴.

²¹ *Философские и общественно-политические произведения петрашевцев*, cit., с. 489, 501.

²² Н.Г. Чернышевский, *Полное собр. соч.*, в 15 тт., Москва 1939, т. 1, с. 125.

²³ А.И. Герцен, *Письма из Франции и Италии, 1847-1852*, в: *Id.*, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1955, т. 5, с. 368.

²⁴ *Ibidem*, с. 171.

Именно в отсутствии единства лидеров социалистов с лидерами простого народа Герцен видит причину поражения революции: «Главы социализма не сблизилась с децемвирами – Прудон, Кабе, Распайль, Пьер Леру – стояли поодаль. Все эти люди неутомимой деятельности, беспредельной преданности *бросились* на иную дорогу, на деятельность в клубах, на издание журналов»²⁵.

В *Былом и думах* Герцен рассказывает об этом времени так: «Прежде я хаживал иногда в клубы, участвовал в трех-четырёх банкетах, т. е. ел холодную баранину и пил кислое вино, *слушая* Пьера Леру, отца Кабе и подтягивая “Марсельезу”. Теперь и это надоело. С глубоко скорбным чувством следил я и помечал успехи разложения, падения республики, Франции, Европы»²⁶. «Свободные граждане французские не могут собираться на улице – излагает он в книге *С того берега* хронику подавления революции – буржуазия издала закон об attroupelements, они не могут собираться и в комнате, она закрыла клубы; нет свободы книгопечатания, нет личной свободы – радикальные писатели бежали – *Торе, Кабе скрылись*»²⁷.

В главе *Былого и дум* «Наши», опубликованной в «Полярной Звезде на 1858 год», Герцен подчеркивал «казарменный порядок *фаланстера*» и объяснял тягу к нему и к кабетизму тем, что

Люди вообще готовы очень часто отказаться от собственной воли, чтоб прервать колебание и нерешительность [...]. На этом основании развилась в Америке *кабетовская обитель, коммунистический скит, ставропигиальная, икарийская лавра*. Неутомонные французские работники, воспитанные двумя революциями и двумя реакциями, выбились, наконец, из сил, сомнения начали одолевать ими; испугавшись их, они обрадовались новому делу, отреклись от бесцельной свободы и *покорились в Икарии такому строгому порядку и подчинению*, которое конечно не меньше монастырского чина *каких-нибудь бенедиктинцев*²⁸.

Выделенные слова обнаруживают некоторое общее смысловое сходство с отношением Достоевского к икарийской

²⁵ *Ibidem*, с. 368.

²⁶ А.И. Герцен, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1956, т. 10, с. 42.

²⁷ *Id.*, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1955, т. 6, с. 349-350.

²⁸ *Id.*, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1956, т. 9, с. 116.

коммуне, как оно было сформулировано А.П. Милюковым: «ужаснее и противнее всякой каторги»²⁹. Ср. также замечания Герцена об «икарийской управе благочиния»³⁰ или о «коммунистической барщине Кабе»³¹. Последнее сделано им в письмах *К старому товарищу* (М.А. Бакунину) и уже приводилось в параллель к свидетельству Милюкова³².

Смерть Кабе, постигшую его в тот момент, когда он строил планы основания новой коммуны, в статье *Пюльская монархия* (1860) упомянул Чернышевский. Представляя в своем вольном переводе из *Histoire de dix ans* Луи Блана изложение деятельности Парламента во время Реставрации, членом которого был Кабе, он поясняет его имя следующим образом: «получивший впоследствии известность как основатель коммунистической доктрины икаризма и недавно умерший среди неутомимых трудов для осуществления своей теории»³³.

2. В произведениях, написанных после освобождения Достоевского с каторги, ощущается переосмысление писателем идей утопического социализма. Так, повесть *Село Степанчиково и его обитатели* (1859) представляет собой криптопародию на петрашевцев и прежде всего на самого М.В. Петрашевского³⁴. При этом один из ее ближайших претекстов – это именно *Путешествие в Икарию* Кабе. *Село Степанчиково* – криптопародия не только на фурьеристский фаланстер или сен-симонистскую ассоциацию, но и на “всеобщее счастье” икарійцев. На Икарин больше не существует зла: оно уничтожено добрым Икаром. В селе Степанчикове это зло, прежде всего неравенство, пытается уничтожить его владелец Ростанев. Сюжетная коллизия *Села Степанчиково* движется как коллизия психологического господ-

²⁹ А.П. Милюков, *op. cit.*, с. 181.

³⁰ А.И. Герцен, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1956, т. 10, с. 184.

³¹ *Id.*, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1960, т. 20¹, с. 578.

³² Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников, Москва 1990, т. 1, с. 577.

³³ Н.Г. Чернышевский, *Полное собр. соч.*, в 15 тт., Москва 1950, т. 7, с. 138, 1014

³⁴ С.А. Кибальник, «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия, «Достоевский. Материалы и исследования», ред. Н.Ф. Буданова, С.А. Кибальник, т. 19, Санкт-Петербург 2010, с. 109-119.

ства приживала в доме Ростанева Опискина над его гуманным хозяином, который собирается подарить ему одно из своих имений, Капитоновку.

Сходны композиция и главные герои этих произведений. В обоих герой-рассказчик оказывается в ином мире, где он ничего не понимает и задает множество вопросов, пытаюсь выяснить, что же происходит вокруг. Однако в *Путешествии в Икарию* герой-рассказчик лорд Вильям Керисдалль всем, о чем он узнает, восхищается. В *Селе Степанчикове* даже наивный и юный повествователь Сергей скоро понимает: «Однако здесь что-то похоже на бедлам» (3; 42).

Если герой-рассказчик Достоевского немного похож на повествователя Кабе, то владелец Степанчикова Ростанев, добрый и идеальный человек, каким его живописали французские социалисты («душою он был чист как ребенок» – 3; 13), желающий сделать счастливым каждого, похож на Икара, чьей “страстью” «была любовь к человечеству. С самого детства он не мог видеть другого ребенка без того, чтобы не приблизиться и не приласкать его, обнять и поделиться с ним тем малым, что он имел»³⁵.

Фамилия ‘Ростанев’ полная анаграмма слова ‘равенство’: не хватает только еще одного ‘в’, но в анаграммах одна буква часто замещает две таких же. Почти каждого, включая его крестьян, он зовет “брат...». До воплощения лозунга Французской революции “Свобода. Равенство. Братство” Ростаневу не хватает лишь декларации приверженности к свободе. Однако на деле у него в доме воцарилась самая жестокая деспотия. Опискин все время обвиняет Ростанева в непомерном эгоизме и призывает усмирить свои страсти. Ростанев соглашается с ним и обещает быть “добрее”. В действительности Опискиным владеет идея подчинить себе Ростанева. И даже не ради денег, как это делает мольтеровский Тарноф, а из любви к тому, чтобы «погримасничать, порисоваться», как об этом говорит Мизинчиков (3; 94).

Ростанев готов пойти на любые компромиссы со всеми обитателями его дома. Но чем больше он уступает своему “приживалу” Опискину, тем хуже тот обращается с ним, не позволяя

³⁵ Э. Кабе, *op. cit.*, с. 395.

даже жениться на женщине, которую тот любит. Ростанев пытается дать Опискину большую сумму денег с условием, что тот покинет его дом. Однако в результате власть Опискина только увеличивается, так что Ростанев принужден называть его теперь “Ваше Превосходительство”.

Последняя глава повести названа *Фома Фомич создает всеобщее счастье*. “Всеобщее счастье” это очевидная отсылка к французским просветителям и утопистам, их понятиям “*Bien-être general*”, “*Bonheur commun*” (последний лозунг также начертан на титульном листе романа Кабе). Но содержание этой главы носит скорее саркастический характер. Русский Икар, Ростанев в конце концов добивается того, что Опискин позволяет ему жениться на Настеньке. Только это происходит лишь после того, как Ростанев выгоняет его из дому (буквально дав ему пинка).

Повествователь *Села Степанчикова* называет Опискина «эгоистом, лентяем, лежебоком» (3; 15). Между тем на Икаррии таких людей просто не существует: « – А лентяи? – Лентяи? – Мы таких не знаем... Как могут они быть, когда труд так приятен, когда праздность и лень у нас в такой же степени позорны, как воровство в других местах?»³⁶. Не существует на Икаррии и «отравления супругов», «разрушающей ревности и дуэлей». Однако страсти и человеческие привязанности там все же встречаются. «Когда я сравнивала его с Вальмором – пищет Динназа о Вильяме в письме к своей сестре –, разум мой приводил меня к твоему брату; но какая-то непреодолимая сила толкала меня к твоему другу»³⁷.

Узнав о том, что он любим, Вильям, хотя он в свою очередь тоже любит Динназу, решает покинуть Икаррию, но все же остается; герой романа Чернышевского *Что делать?* (1863) Кирсанов, оказавшись в аналогичной ситуации, тоже полагает, что «поправлять дело бегством – поздно»³⁸. Зато соперник Вильяма Вальмор, вначале спокойно рассуждающий в романе

³⁶ *Ibidem*, с. 192.

³⁷ *Ibidem*, с. 450.

³⁸ Н.Г. Чернышевский, *Что делать? Из рассказов о новых людях*, подгот. Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер, Ленинград 1975, с. 168.

на тему уважения «прав и воли других» и умения «укротить свои страсти»³⁹, узнав о любви Динаизы к Вильяму, и в самом деле бежит, куда глаза глядят. Он не исчезает со сцены, как это сделает Лопухов в романе Чернышевского, однако все равно вряд ли уступит последнему в самоотвержении. Ни с того, ни с сего он вдруг репает жениться на сестре Динаизы Алае. Таким образом, любовный треугольник превращается в две пары, которые намерены пожениться в один день. В романе Чернышевского *Что делать?* мы увидим иное, но так же полностью основанное на «здравом смысле»⁴⁰ разрешение конфликта.

Между произведениями Достоевского и Кабе есть и конкретные интертекстуальные связи. Так, например, последняя глава второй части *Путешествия в Икарию*, в которой рассказывается о неожиданной смерти Динаизы в день венчания, о возвращении Вильяма в Англию, а затем о том, что она все же осталась жива и едет к нему, озаглавлена *Катастрофа*⁴¹. Заключительная глава первой части *Села Степанчикова*, в которой Опискин становится свидетелем поцелуя Ростанева и Настеньки, также озаглавлена *Катастрофа*, хотя до какой-либо реальной катастрофы в ней еще далеко.

Есть в повести Достоевского и другие детали, которые определенно свидетельствуют о том, что это криптопародия на *Путешествие в Икарию*. Упомяну только одну, но весьма показательную из них: имя Кабе 'Etienne' имеет в русском языке четкое соответствие – 'Степан'. Таким образом, антисоциалистический подтекст находит криптографическое выражение также и в заглавии повести Достоевского⁴².

Вообще книга Кабе отчасти предвосхищает путевые заметки французских писателей 1930-х годов об их пребывании в СССР, которые нередко восхищались тем, что было отнюдь не легко переносить советским людям в реальной жизни. Утопия

³⁹ Э. Кабе, *op. cit.*, с. 181.

⁴⁰ Н.Г. Чернышевский, *Что делать?*, *cit.*, с. 184.

⁴¹ É. Cabet, *op. cit.*, с. 544-546.

⁴² Подробнее см.: С.А. Кибальник, «Село Степанчиково» и «Адяшский сон» (Паратекстуальный аспект), в: *Достоевский и современность. Материалы XXV Международных Старофурских чтений 2010 года*, Великий Новгород 2011, с. 149-150.

Кабе воспринималась Достоевским в значительной степени как антиутопия в духе George Orwell'a. Вот откуда в повести Достоевского черты, которые закономерно наводят исследователей на мысль о ее связи с жанром утопии и о предвосхищении жанра антиутопии⁴³.

Если Герцен относил *Бедные люди* к числу тех литературных произведений, которые «проникались социалистическими тенденциями и одушевлением»⁴⁴, то *Село Степанчиково* есть все основания полагать произведением хотя бы отчасти антисоциалистическим. Криптопародийность повести заключается не только в скрытом шаржировании отдельных черт русских социалистов 1840-х годов, но также и в травестировании некоторых идей утопического социализма⁴⁵.

Подразумевая именно *Путешествие в Икарию*, Достоевский писал о Кабе в *Зимних заметках о летних впечатлениях* (1863): «...провозглашена была формула: “Каждый для всех и все для каждого”. Уж лучше этого, разумеется, ничего нельзя было выдумать, тем более что вся формула целиком взята из одной *всех известной книжки* [курсив Достоевского]. Но вот начали прикладывать эту формулу к делу, и *через шесть месяцев братья потянули основателя братства Кабета к суду*» (5; 81. Курсив мой – С. К.). Как отметил еще В.А. Комарович, «эта, с точки зрения Достоевского, “всем известная книжка” и есть *Voyage en Icarie Cabet*: на заглавном листе ее французского издания (1848) стоят эти тезисы: “Tous pour chacun – chacun pour tous”»⁴⁶. Действительно, в немного иной форме: “Tous pour chacun. Chacun pour tous” – на титульном листе романа Кабе в издании 1848 года воспроизведен не только этот, но и другие коммунистические лозунги: “FRATERNITÉ”;

⁴³ Р. С.-И. Семькина, *Роман Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» как комическая антиутопия*, в: *Проблемы типологии литературного процесса*, Пермь 1992.

⁴⁴ А.И. Герцен, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1956, т. 7, с. 122, 252.

⁴⁵ С.А. Кибальник, *«Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия*, *с.п.*, с. 119-137.

⁴⁶ В.А. Комарович, *Юность Достоевского*, «Былое», 1924, № 23, с. 5.

“BONHEUR COMMUN”, “À chacun suivant ses besoins. De chacun suivant ses forces” и т. п.⁴⁷

Между прочим, в какой-то степени Достоевский наполняет тут живой плотью мысль Герцена, высказанную им в книге *С того берега*. Основываясь, видимо, на сообщениях западной печати, Герцен по свежим следам бегло касался в ней положения дел в Икаринской коммуне: «И вот вам крепостные рыцари свободы [...] им надобен господин для того, чтоб не избаловаться, им нужна власть, потому что они не доверяют себе. Мудрено ли после того, что *горсть людей, переселившаяся с Кабе в Америку, едва устроилась во временных шалашах, как все неудобства европейской государственной жизни обличились в их среде?*»⁴⁸. Достоевский, как известно, читал *С того берега* (скорее всего русское издание 1855 или 1858 г.) по возвращении с каторги, а приведенный фрагмент из нее мог обратить на себя его особое внимание также и мыслью о сознательном избегании людьми свободы, которую сам Достоевский не раз высказывал и художественно воплощал в своем творчестве, начиная с *Хозяйки* и кончая *Братьями Карамазовыми*. В *Зимних заметках* он вообще отчасти развивает герценовскую критику перспектив Запада⁴⁹.

Как показал В.Л. Комарович, VII – X главы первой части *Записок из подполья* представляют собой «не что иное, как последовательный спор Достоевского с [...] романом *Что делать?*», а последняя глава повести «направлена против идеала Фурье, изображенного в конце романа Чернышевского»⁵⁰. Поскольку роман *Что делать?* написан, как мы видели выше, под влиянием в том числе и *Путешествия в Икариню*, которое явно сказалось также и на изображении «мастерской Веры Павловны» (ср. главу пятнадцатую *Женская мастерская. Роман. Брак*⁵¹) то и критика

⁴⁷ É. Cabet, *op. cit.*.

⁴⁸ А.И. Герцен, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1955, т. 6, с. 124.

⁴⁹ Е.Н. Дрыжакова, *По живым следам Достоевского. Факты и размышления*, Санкт-Петербург 2008, с. 336.

⁵⁰ В.Л. Комарович, «*Мировая гармония*» Достоевского, «Атеней. Историко-литературный вестник», Кн. 1-2, с. 124, 129-130.

⁵¹ Э. Кабе, *op. cit.*, с. 252-265.

Достоевского пронизана скептицизмом в адрес утопического социализма не только фурьеристского, но и икарийского образца.

Недаром, как отметила сам Комарович в другой своей работе, «вся история Икара и созданного им государства Икарин построена [...] по аналогии с историей Наполеона. Филантроп-преобразователь у Кабэ разбивает коалицию королей-ретроградов тоже в битве при Аустерлице», а подпольный герой «подобно этому идеализированному Наполеону», «идет босой и голодный проповедовать новые идеи и разбивает ретроградов под Аустерлицем» в своих мечтах⁵². Сама «битва при Аустерлице» у Кабэ остается, впрочем, не названной, хотя в одноименном разделе *Путешествия в Икарин* «история Икара» излагается с явными намеками на нее: «После *страшной войны против коалиции соседних королей, после потрясающих неудач, закончившихся решающей победой, после всеобщего мира, заключенного на конгрессе народов*, все планы Икара были приняты с энтузиазмом...»⁵³. Тем не менее, история Икара и созданного им государства Икарин действительно построена «по аналогии с историей Наполеона». В главе тридцать седьмой *Франция и Англия* француз Евгений даже восклицает: «И не походила ли бы теперь Франция на Икарин, если бы Наполеон или государь, вышедший из баррикад, имели сердце и волю Икара?»⁵⁴.

Таким образом, подпольный герой Достоевского мечтает о торжестве, подобном торжеству не столько реально-исторического Наполеона, разбившего антинаполеоновскую коалицию, сколько о торжестве Икара из романа Кабэ, одержавшего победу над «коалицией соседних королей» и начавшего после этого «безмерные труды, необходимые для реализации системы общности»⁵⁵, призванные осчастливить народ Икарин. Недаром одновременно с этим подпольный герой воображает: «Я [...] получаю несметные миллионы и тотчас же жертвую их на род человеческий...» (5; 133). Стало быть, в его мечтах о том, как

⁵² В.А. Комарович, *Юность Достоевского*, cit., с. 37.

⁵³ *Ibidem*, с. 401.

⁵⁴ *Ibidem*, с. 530.

⁵⁵ *Ibidem*, с. 401.

он «идет босой и голодный *проповедовать новые идеи* и разбивает ретроградов под Аустерлицем», пародируется, по меньшей мере, не только «наполеоновский комплекс» романтических героев, но и призывания социальных утопистов на создание «счастливого нового мира».

3. Еще более целенаправленный характер полемика Достоевского с Кабе приняла в *Бесах* (1871-1872). Излагая суть своей «системы»: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю *безграничным деспотизмом*» – Шигалев, в сущности, обнажает внутренний смысл всех социально-утопических теорий, каким его представляла себе Достоевский. И хотя Иван Верховенский лишь «промямил» по поводу этой системы: «все эти книги, Фурье, Кабеты, все эти “права на работу”, *шигалевичина* – все это *вроде романов*, которых можно написать сто тысяч» – его собственное поведение как раз идеально вписывается в нее: «Одна десятая доля получает свободу личности и *безграничное право над остальными девятью десятими*» (10; 311, 313, 312). Не этот ли деспотизм меньшинства над большинством предопределял и отношение Достоевского к «жизни в икарыйской коммуне или фаланстере»: «ужаснее и противнее всякой каторги»⁵⁶.

Заступаясь за «систему» Шигалева, «хромой» в особенности ссылается на Кабе: «Почему же именно вздор? Господин Шигалев отчасти фанатик человеколюбия; но вспомните, что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самых деспотических предрешений вопроса. Господин Шигалев даже, может быть, гораздо трезвее их разрешает дело» (10; 313). Сходным образом ссылался на Кабе М.А. Бакунин. В речи на женевском конгрессе «Лиги мира и свободы» (сентябрь 1867 г.), который упоминается на страницах *Бесов* (10; 77), Бакунин отрицал Кабе, как и других французских социальных утопистов, за то, что они «все были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, все были более или менее “государственники”»⁵⁷.

⁵⁶ А.П. Милоков, *op. cit.*, с. 181.

⁵⁷ М.А. Бакунин, *Избранные сочинения*, Петроград-Москва 1920, т. Т. III, с. 138.

Тем не менее, вряд ли можно видеть «пародийное осмысление слов Бакунина» «во “вступительном слове” Шигалева» (ср.: 12; 200):

Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все создатели социальных систем, с древнейших времен до нашего 187... года, были мечтатели сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком (10; 311).

Ведь Шигалев критикует социальных утопистов не с позиций разрушения существующих государств, с которых говорил о них Бакунин.

Любопытно, что в самом Бакунине его критики иногда усматривали своего рода нового Кабе. Так, например, Эжен Пажес в своем фельетоне *Бакунин*, написанном в виде открытого письма “Прюдома младшего” к редактору “*Charivari*” и напечатанном в номере этого журнала от 7 октября 1868 г., высмеивая выступление Бакунина на Женевском конгрессе “Лиги мира и свободы”, назвал его “*воскресшим Кабе*”, а бакунизм – “*кабетизмом без Икарии*”⁵⁸. Об этом фельетоне Герцен спрашивал Н.П. Огарева в письме к нему от 10-11 октября (28-29 сентября) 1868 г.: «Читал ли кто в “Шаривари” статью *Vasoupine?*»⁵⁹.

Что касается Достоевского, то услышанное им на женевском конгрессе от «этих господ... социалистов и революционеров» он сам излагал следующим образом: «Большие государства уничтожить и поделатъ маленькие; все капиталы прочь, *чтоб все было по приказу*, и проч. Все это без малейшего доказательства, все это *заучено еще 20 лет назад наизусть, да так и осталось*» (28²; 224). Хотя это он писал не о речи Бакунина непосредственно, а о прослушанных им речах вообще, его впечатление в целом довольно сходно с реакцией Э. Пажеса. Писатель также ощущает в них известное ему еще с 1840-х годов – их деспотическую направленность – и одновременно выделяет кое-что сравнительно

⁵⁸ А.И. Герцен, *Собр. соч.*, в 30 тт., Москва 1964, т. 29², с. 744.

⁵⁹ *Ibidem*, с. 460.

новое: анархические тенденции. Услышанных в Женеве ораторов Достоевский, впрочем, все равно воспринимает совершенно так же, как раньше воспринимал русских и французских социалистов 1840-х годов: «Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противуречие себе – это вообразить нельзя!» (28²; 224)⁶⁰. Такими же красками изобразит он в романе *Бесы* и нынешних русских социалистов губернского розлива.

Отмечалось, что «ведущую роль в пародии Достоевского играют [...] не Фурье, Кабе, Сен-Симон [...] а новейшие в то время идеи Бакунина, Ткачева, Нечаева, Прудона, Жаклара, Рошфора...» (12; 213). Однако если говорить конкретно о “системе” Шигалева, то это утверждение представляется неточным. Скорее она действительно, как полагал Вяч. Полонский, «есть крепко сделанная, обобщенная пародия на сен-симонизм, фурьеризм, кабетизм, т. е. на мечту утопического социализма о будущей мировой гармонии, о рае на земле...»⁶¹. Причем кабетизму в этой пародии отводится особое, едва ли не первостепенное место.

В тексте *Бесов* есть прямые аллюзии на *Путешествие в Икарию*: «В Икарии Кабе все устроено таким образом, чтобы осуществлялось главное “правило”, которое гласит: “прежде всего необходимое, затем полезное и в заключение приятное” [...]. Достоевский вводит в *Бесы* в усеченном и окарикатуренном виде “правило” Кабе: “Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе”» (12; 212). Принцип *необходимости* в романе Кабе провозглашается не раз (см., например: Кабе, *op. cit.*, с. 38, 87). Что же касается «правила, неизменно и постоянно соблюдаемого во всем» на Икарии, то в таком, искаженном виде Иван Верховенский включает его в проект “шигалевищины для рабов”, который он излагает Ставрогину (10; 323).

Главное для Верховенского у Шигалева это “шпионство”: «У него *каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом*. Каждый принадлежит всем, а все каждому» (10; 323). Между тем,

⁶⁰ См. С.А. Кибальник, «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия, *cit.*, с. 116-119.

⁶¹ *Слов о Бакунине и Достоевском*, статьи Л.П. Гроссмана и Вяч. Полонского, Ленинград 1926, с. 173.

по словам героя Кабе Вальмора, в Икарнии «иногда возбуждают преследование против граждан, не донесших о преступлении, свидетелями которого они были [...] наши должностные лица и даже все наши граждане обязаны следить за выполнением законов и преследовать или оговаривать все преступления, свидетелями которых они являются»⁶². Если Верховенский подчеркивает в “шигалевщине” прежде всего “равенство”: «*Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина!*» (10; 323) – то именно благодаря принципу “равенства” на Икарнии нет ни полиции, ни «адвокатов, стряпчих, нотариусов»: «Разве вы не повторяете постоянно, что *гражданин должен быть судим равными себе*, т. е. своими согражданами? [...] нигде нет такого числа трибуналов и нигде обвиняемые не могут так справедливо похвалиться тем, что их судят “равные”»⁶³.

4. К идеям французских социалистов Достоевский, тем не менее, оставался неравнодушен до конца своих дней. Это сквозит и в явном предпочтении им “коноводов” утопического социализма тех времен, когда «понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете» представителям позднейшего, “политического” и “делового” социализма (второй половины XIX в.), которое Достоевский высказал в *Дневнике писателя на 1873 год* (21; 130). В *Дневнике писателя на 1877 год* предпочтение это недвусмысленно объясняется тем, что «...в Европе [...] прежде, недавно даже, была [...] “нравственная” постановка вопроса, были фурьеристы и кабетисты, были споры, споры и дебаты об разных, весьма тонких вещах. Но теперь предводители пролетария все это до времени устранили» (25; 59).

Очевидно, именно поэтому, хотя еще в *Дневнике писателя на 1873 год* Достоевский называет Кабе «теперь совершенно забытым» (21; 11), в своем позднем творчестве он не обходится ни без него, ни без других социальных утопистов. Так, например, «счастливое человечество, пригрезившееся “смешному человеку”»,

⁶² Э. Кабе, *op. cit.*, с. 243, 245.

⁶³ *Ibidem*, с. 247, 248.

так же изображено у Достоевского в 1877 году, как изображалось когда-то во французских социальных утопиях⁶⁴. Если в целом рассказ *Сон смешного человека* написан как в известной степени метатекст романа В. Консидерана *Destinée sociale*⁶⁵, то в тексте его, безусловно, есть и некоторые реминисценции из *Путешествия в Икарию*:

Описание природы и жителей планеты, на которую попал “смешной человек”, сходно с описанием блаженной Икарии [...]. В предисловии ко второму изданию своего романа Кабе пишет, что “невозможно допустить, что судьба человека – быть несчастным на этой земле... невозможно допустить, что он по природе своей зол” (с.73). “Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей!” – восклицает “смешной человек” Достоевского. Но сами люди не хотят верить в то, что они добры и прекрасны⁶⁶.

Впрочем, утверждение исследовательницы о том, что «и у Кабэ, и у Достоевского люди проклинают тех, кто приносит на землю истину» (*Ibidem*) применительно к роману Кабе не соответствует действительности. Тем не менее, поскольку Достоевский никогда не терял веры в наступление “золотого века”, то у социальных утопистов, в том числе и у Кабе, он всегда находил некоторые близкие ему мотивы.

Во всяком случае тесную связь с Кабе при внимательном рассмотрении обнаруживает и поэма Ивана Карамазова *Великий Инквизитор*. И дело здесь не столько в том, что, как утверждал еще А.П. Гроссман, в ней «раздаются отзвуки ранней социалистической литературы, питавшей мысль петрашевцев – *Иисус перед вечным судом* Дезами или *Истинное христианство* Кабе (в последней книге имеется глава *Иисус отвергает все искушения*)⁶⁷, сколько в том, что на страницах *Путешествия в Икарию* есть образ “Великого

⁶⁴ В.Л. Комарович, *Юность Достоевского*, cit., с. 139.

⁶⁵ *Ibidem*, с. 139-140; Н.А. Хмелевская, *Об идейных источниках рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека»*, «Вестник Ленинградского ун-та», “Сер. истории, языка и литературы”, 1963, № 8, вып. 2, с. 137-140.

⁶⁶ Н.А. Хмелевская, *op. cit.*, с. 139.

⁶⁷ Ф.М. Достоевский, *Собр. соч.*, примеч. А.П. Гроссмана, Москва 1958, т. 10, с. 483.

инквизитора”. Правда, это всего лишь одно из действующих лиц “драмы”, о которой заходит речь в главе тридцатой (*Театры*) и в которой представлен, по словам одного из героев романа, «суд над нашим последним тираном Ликсдоксом в 1782 году».⁶⁸

“Великий инквизитор” вместе с “великим прево”, “великим судьей” и другими персонажами допрашивает у Кабе не Иисуса Христа, а одного из “вождей” заговорщиков против Ликсдокса Калара⁶⁹. Тем не менее, эпизод этот в *Путешествии в Икарию* также входит в рассказ о литературном произведении (причем сходного рода: о “драме”, в то время как у Ивана Карамазова “поэма”), в котором представлен допрос заключенного в тюрьме, также заканчивающийся смертным приговором ему. Как и в тридцать первой главе романа Кабе *Историческая драма, пороховой заговор, суд и осуждение невинного*⁷⁰, в *Братьях Карамазовых* Иван частью рассказывает о своем произведении, а частью представляет его фрагменты. У Кабе приведенные фрагменты сохраняют драматическую форму, так что ремарка «Великий инквизитор» появляется на некоторых страницах романа всякий раз, как он что-то произносит. В отличие от так и ни разу не прерванного Иисусом в поэме Ивана Карамазова монолога Великого инквизитора, в драме, о которой рассказывается в *Путешествии в Икарию*, это даже не диалог, а полилог (см.: *Ibidem*, 427-429).

Творческое наследие и деятельность Кабе настолько широки и многосторонни, что для того, чтобы составить полную картину “отражений” их у Достоевского, необходим еще ряд исследований конкретного характера.

⁶⁸ Э. Кабе, *op. cit.*, с. 414.

⁶⁹ *Ibidem*, с. 427-430.

⁷⁰ *Ibidem*, с. 416-442.